

Зрительное опознание слов адыго-русскими билингвами по данным теста Рея

Научный руководитель – Драгой Ольга Викторовна

Гумова Н.Д.¹, Корженевская А.Ю.²

1 - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет социальных наук, Москва, Россия, *E-mail: ngumova@mail.ru*; 2 - Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Кафедра индийской филологии, Москва, Россия, *E-mail: 5alexandra5@gmail.com*

Исследование памяти наряду с другими высшими психическими функциями билингвов является актуальным в современной психолингвистике. Существуют различные инструменты для оценки рабочей памяти, одним из которых является тест Рея [Rey 1964], применяющийся также в билингвальных исследованиях [Blumenau & Broom 2011; Kardooni et al. 2016].

В данной работе мы впервые исследуем слухоречевую и визуальную память адыго-русских билингвов. Для оценки кратковременной и долговременной рабочей памяти в разных модальностях – слуховой и зрительной, мы использовали две версии теста Рея, адаптированные на русский и адыгейский языки. Данные версии теста, в отличие от оригинальной, включают этап визуального опознания слов, ранее не применявшийся в исследованиях. Основная цель настоящего исследования заключается в изучении рабочей памяти билингвов, владеющих генетически и типологически разными языками. Различие в механизмах запоминания и воспроизведения информации для двух языков – адыгейского и русского – позволило бы рассматривать рабочую память не как универсальную психическую функцию, а как языкоспецифичную. Результаты исследования также позволят расширить представления современной психолингвистики о влиянии билингвизма на когнитивные функции человека.

В исследовании приняли участие 70 адыго-русских билингвов аула Джамбечий Красногвардейского района Республики Адыгея в возрасте от 18 до 68 лет ($M = 40,6$; $SD = 13,7$), без речевых, когнитивных нарушений и неврологических заболеваний. Процедура исследования состояла из двух этапов и занимала около 60 минут. На первом этапе испытуемые заполняли анкету-самоотчет LEAP-Q [Marian et al. 2007], в которой помимо демографических данных указывали информацию о владении языками и их использовании. На втором этапе участники проходили тест Рея на адыгейском и русском языках. Очередность прохождения теста на том или ином языке была рандомизирована.

Тестирование включало в себя этап запоминания списка А, состоящего из 15 слов, в течение пяти последовательных попыток (пробы 1-5), затем повторения других 15 слов из отвлекающего списка В (проба 6), повторного воспроизведения слов из списка А (проба 7), отсроченного воспроизведения слов из списка А после 20-минутного перерыва (проба 8) и визуального опознания слов из списка А (проба 9). На этапе визуального опознания испытуемому предъявлялись 50 слов: 15 слов из списка А, 15 слов из списка В и 20 других слов. При анализе данных мы не учитывали шестую пробу, в которой испытуемым требовалось повторить слова из списка В, поскольку данная проба используется в тесте в качестве дистрактора.

Для сравнения результатов двух тестов – на русском и адыгейском языках – мы провели статистический анализ с использованием пакета “stats” в программной среде R [R Core Team 2020], версия 4.3.2. Ввиду ненормального распределения данных, мы попарно сравнили пробы для каждого языка с помощью непараметрического теста – Т-критерия

Уилкоксона. Результаты анализа показали статистически значимое различие последней – девятой – пробы на зрительное опознание слова ($Est. = 0.01, p < 0.001$). При этом пробы двух версий тестов на слуховое восприятие (пробы 1-8), значимо между собой не различаются.

Результаты по каждой пробе на адыгейском и русском языках показаны на рис. 1. Статистически значимая разница в пробах по зрительному опознанию объясняется, на наш взгляд, функциональной сферой использования адыгейского языка. Данные анкеты-самоотчета LEAP-Q показывают преобладание использования адыгейского языка при устной коммуникации, и русского – при письменной. Мы предполагаем, что ограниченное использование адыгейского языка при чтении и письме оказало влияние на результаты зрительного опознания слов. Для проверки данной гипотезы мы планируем дальнейший анализ полученных результатов.

Источники и литература

- 1) Blumenau J., Broom Y. Performance of South African adolescents on two versions of the Rey Auditory Verbal Learning Test. *South African Journal of Psychology*. 2011. pp. 228-238.
- 2) Kardooni M., Mohammadzadeh A., Nazeri A., Tabatabaee S., Amiri M. Evaluation of the effects of bilingualism on auditory-verbal working memory using the Persian version of Rey auditory- verbal learning test. *Aud Vest Res*. 2016. pp. 145-152.
- 3) Marian V., Blumenfeld H., Kaushanskaya M. Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q). *Journal of Speech Language and Hearing Research*. 2007. pp. 940-967.
- 4) R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria, 2020. // <https://www.R-project.org>.

Иллюстрации

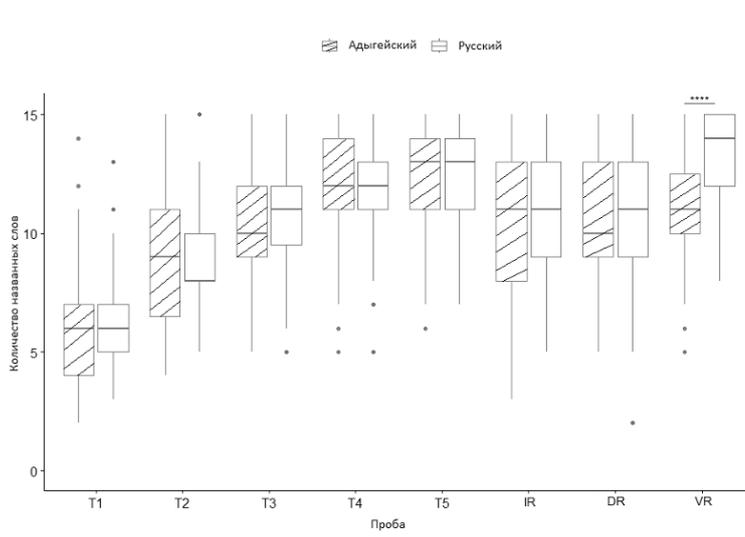

Рис. : Результаты по пробам теста Рея для адыгейского и русского языков. На оси X представлены пробы: T1 – первая проба, T2 – вторая, T3 – третья, T4 – четвертая, T5 – пятая, IR – немедленное воспроизведение, DR – отсроченное воспроизведение, VR – визуальное опознание. На оси Y представлено количество правильно названных слов. Значимые различия между пробами отмечены звёздочками.